

DOI 10.31483/r-110082

Данильченко Сергей Леонидович

НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ КАК ОБЩИЙ МЕТАПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

***Аннотация:** системный мировой кризис свидетельствует о полной несостоятельности неоклассической экономической теории и неолиберальной модели национального хозяйства. В этой связи приобретает особую актуальность разработка новой экономической теории, сочетающей в себе политэкономический подход к национальному хозяйству с народнохозяйственной методологией исследования. В главе освещаются актуальные вопросы развития мировой и отечественной экономической науки, аргументируется роль общественных наук и гуманитарного знания в качестве основы развития современной экономики. Важным является соблюдение принципа историзма – ориентации на цивилизационные условия и национальные потребности, адаптация России к новым геополитическим реалиям. Научоемкость содержания дает основание говорить о прогрессивности идей национально-ориентированного экономического реформирования, последовательной модернизации экономической сферы жизни российского общества.*

***Ключевые слова:** системный кризис глобальной экономики, национальное хозяйство России, неоклассическая экономическая теория, неолиберальная модель национального хозяйства, политэкономический подход к национальному хозяйству, народнохозяйственная методология исследования.*

***Abstract:** the systemic world crisis testify to the complete invalidity of neoclassical economic theory and the neoliberal model of the national economy. In this regard, the development of a new economic theory that combines a political economy approach to the national economy with a national economic research methodology becomes of special relevance. The chapter highlights relevant issues of the development of world and domestic economic science, substantiates the importance of social sciences and humanitarian knowledge as the basis for the development of modern economics. It is*

important to observe the principle of historicism - orientation on civilisation conditions and national needs, adaptation of Russia to new geopolitical realities. The scientific content makes it possible to talk about the progressiveness of the ideas of nationally-oriented economic reform, consistent modernisation of the economic sphere of the Russian society.

Keywords: *systemic crisis of the global economy, national economy of Russia, neoclassical economic theory, neoliberal model of national economy, political economy approach to the national economy, national economic methodology of research.*

Экономическая наука образует общетеоретическую и общеметодологическую основу государственной идеологии как системы действующих (работающих) принципов, которые практически реализуются в очень конкретной форме социально-экономической политики через разнообразные механизмы государственного управления и регулирования всего народного хозяйства и общества в целом.

Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал.

Ошибка в теории многократно отзывается, сказывается на практике, возрастая в геометрической прогрессии, приобретая силу сверхмощного кумулятивного снаряда, разрушающего и выжигающего все внутри. В результате стоит производство, замирают целые отрасли, задыхается от безденежья социальная и бюджетная сфера, распадаются предприятия, отрасли, регионы, распадается всё народное хозяйство.

Доктрины и принципы либерализма, неолиберализма и монетаризма превращаются в оружие массового поражения, которого еще не знала история.

В этом историческом контексте приобретает особую актуальность задача разработки новых подходов к экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям всех наших евразийских стран – не только СНГ, но и всех постсоветских республик, объединённых единым социокультурным пространством и общностью исторической судьбы.

Эта задача становится еще более актуальной в условиях затянувшегося мирового кризиса, который обнаружил полное банкротство не просто неолиберальной модели капитализма, но и самого капитализма как способа производства, уже давно не существующего.

Реально существует лишь глобальный способ финансового распределения и перераспределения экспроприированных мировых богатств в пользу преимущественно одной мировой сверхдержавы – США.

Предложенная в монографии концепция учитывает все современные реалии, связанные не только с глобальным кризисом, но и фактическим крахом не просто неолиберальной модели, но и самого капитализма как способа производства.

Приступая к ее обоснованию, начнем с того, что попытаемся определить, какие явления и процессы, анализирующие разнообразные экономические теории, формулируют законы и декларируют принципы социально-экономического развития стран современного мира.

Что же такое «экономика»?

В чем ее смысл и каковы важнейшие функции?

Какова структура и взаимосвязь с хозяйством страны?

Что изучает экономическая теория и почему в принципе не может существовать некой универсальной экономической теории, единой для всех стран и народов?

Стремясь ответить на эти вопросы, важно понимать, что существует два принципиально противоположных подхода к оценке экономических явлений и процессов – частнохозяйственный и народнохозяйственный.

В их основе лежат два совершенно противоположных образа жизнедеятельности, имеющих соответствующие системы жизненных ценностей и противоположные хозяйственные стереотипы:

– индивидуализм – частнохозяйственный подход к экономике и выстраивание национального хозяйства, исходя из приоритета частных интересов;

– коллективизм – народнохозяйственный подход и выстраивание национального хозяйства, исходя из приоритета общественных и общенациональных интересов.

Как известно, в современном мире существуют сотни направлений экономической теории, распадаясь на различные школы и противоречивые концепции, объясняющие нередко одни и те же экономические явления и процессы с противоположных позиций.

Очевидно, что содержание категорий и результаты анализа социально-экономических процессов будут разными и даже противоположными в современной западной экономической теории, в марксистской политэкономии и в альтернативном направлении русской экономической теории, которую развивает русская национальная экономическая школа.

Перед нами встают два принципиальных вопроса.

Какую экономическую теорию мы способны предложить народам России?

Что мы вкладываем в понятие «экономическая теория»?

Сегодня сосуществуют совершенно разнообразные экономические теории, нередко противоречащие друг другу, развиваясь в русле так называемого «методологического плюрализма», в рамках которого неоклассика открыто призывает игнорировать общественные цели и общенациональные социально-экономические задачи.

При этом мы исходим из того, что экономическая теория, выступая как фундаментальная общеметодологическая и общетеоретическая наука, должна быть способна предложить обществу систему принципов и ценностей, объясняющих развитие национального хозяйства, раскрывающих систему движущих сил данного национального хозяйства.

Другими словами, экономическая теория должна раскрывать механизмы развития данного национального хозяйства, должна создавать теоретический базис для разработки соответствующей модели национального хозяйства, которая могла бы служить основой воспроизводства всего общества, а не отдельных его укладов, что, например, наблюдается в современной России.

Экономические теории делятся две главные группы, являясь адекватными и неадекватными.

Одним из главных критериев адекватности экономической теории является её способность быть теорией общественного воспроизводства и теорией общественного развития, рассматривающей в качестве предмета своего анализа всю систему национального хозяйства, весь механизм его метавоспроизводства и его макроконкурентоспособности, нацеленной на реализацию общенациональной стратегии по воспроизводству всего общества и его национального хозяйства.

Неадекватность неоклассики становится понятна с учётом также и того, что экономические теории, образующие так называемый «мейнстрим», отражают современное состояние западного капитализма, который трансформировался в денежно-финансовое хозяйство.

Следует подчеркнуть, что речь идет о качественной трансформации, уже превратившей капиталистический способ производства в квазикапиталистический способ распределения, в способ присвоения и распределения мировых богатств.

Западная экономическая теория, изучающая механизмы движения частного богатства, распределения и присвоения спекулятивных сверхприбылей, не может быть адекватно применена в обществе, стремящемся развивать у себя общественное производство, используя для этого внутренние ресурсы своего национального богатства.

Экономические теории теряют свой смысл и перестают быть теориями общественного развития, если они оказываются неспособными выразить в теоретическом виде насущные потребности человека и общества в целом, а также общенациональные интересы и показать конкретный механизм их реализации.

Хозяйство страны разделяется на две основные сферы – рыночного и нерыночного (социального) хозяйствования.

Индивидуалистическая методология и вся система неоклассических понятий, анализирующих поведение частных субъектов рынка, будут неадекватны на

более высоком метахозяйственном уровне – на уровне политэкономического исследования механизма воспроизводства такой многомерной экономической системы, какими являются национальная экономика и национальное хозяйство.

Какое направление экономической теории способно адекватно отразить с помощью своего теоретического и методологического инструментария сферу общественного хозяйствования, имеющего нерыночный характер?

Какую теорию можно считать адекватной и каковы критерии адекватности?

Ответ на эти и другие взаимосвязанные вопросы зависит от соответствующей методологии, от системы принципов, с помощью которых мы собираемся анализировать экономическую действительность.

Метод – это точка отсчета, это – угол научного зрения, открывающий путь к истине.

Методология это – система научных принципов, с помощью которых познается окружающий нас мир, открывается дорога к истине.

Единой научной методологии – не существует.

Точно так же, как нет универсальных экономических теорий, нет и быть не может универсальных научных методов и принципов социально-экономических исследований.

И это понятно. Научные принципы общественных наук – суть принципы взаимодействия людей в различных сферах общества.

Разные страны – это разный климат, природа, ландшафт, разная протяженность территории, разные морально-этические нормы традиции и пр. Именно поэтому принципы взаимодействия людей в разных сферах общества, включая хозяйственные отношения, не могут быть универсальными для всех стран и народов.

Соответственно, и научные экономические принципы, а также принципы других общественных наук будут различными в разных группах стран и цивилизаций.

В хозяйственной деятельности люди руководствуются не только и не столько экономическими интересами, прежде всего они опираются на те морально-этические нормы и правила, которые исторически сформировались в данной стране, в данном регионе.

И эти правила формируются не только под влиянием религиозно-нравственных представлений о смысле жизни. Те факторы, которые мы называем геополитическими – протяженность территории, особенности ландшафта, природно-климатические условия – все они также непосредственно влияют на выработку норм и правил совместной хозяйственной жизнедеятельности людей, образовавших исторически единый народ и единую нацию.

В силу этого в мире не существует некой «общечеловеческой» морали и этики.

О. Шпенглер справедливо заметил, что у каждой культуры свой собственный этический масштаб, значение которого ограничено ее пределами. Общечеловеческой этики не существует.

Именно поэтому не существует единой научной методологии анализа экономики и хозяйственной деятельности, одинаково применимой для всех стран мира.

Поворот экономической науки к философии диктуется необходимостью преодолеть недостатки формационного мышления и соответствующей методологии.

Экономические доктрины и принципы являются на деле производными от философских доктрин и религиозно-философских течений, господствующих в данной стране и отражающих морально-этические устои общества, систему традиций и религиозно-нравственных ценностей.

Принципы и постулаты экономической теории, отражая цели и мотивы хозяйственной деятельности людей, не могут формироваться внутри самой экономической теории. Исходные постулаты экономической теории должны формироваться вне этой теории, т.е. на основе более общих философских и социологических концепций.

И это понятно.

Давайте по-другому сформулируем вопрос.

Откуда берутся принципы, определяющие важнейшие стереотипы поведения людей – этносов и суперэтносов?

Они имеют внеэкономическое метафизическое происхождение. Только метафизика способна объяснить духовную укорененность жизненных принципов, включая принципы хозяйственной жизнедеятельности. Только мораль способна обнаружить *метасмысл* хозяйства и его морально-этическую основу.

Какова цель социально-экономического развития?

Цель хозяйствования?

Эти цели также формируются моралью. Именно мораль показывает, какую цель мы должны преследовать, задачей науки является лишь нахождение средств для ее достижения. Следовательно, цель развития не может возникать непосредственно в сфере экономических отношений, она привносится туда извне, из сферы этических представлений, нравственных истин.

Цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются моралью, имеют этическое измерение.

В его основе лежит «собственный этический масштаб» данной нации, основанный на многовековых морально-этических нормах и традициях, имеющих религиозное происхождение (либо, как, например, протестантство, всего лишь прикрывающихся символами религиозной веры, апеллирующих к ним в поисках поддержки общественного мнения; таково происхождение протестантской этики).

Человек в своей хозяйственной деятельности руководствуется не только экономическими интересами, всегда опираясь на морально-этические нормы и традиции. Его поведение всегда имеет этическое измерение.

Экономика всегда и везде функционирует на основе определенных идеологических принципов, которые являются отражением философских доктрин.

Философия только лишь формулирует, фиксируя теоретически, систему жизненных принципов данного народа, основанных на многовековых устоях и

традициях, присущих данной стране как определенному культурно-историческому типу.

Она разрабатывает систему базисных ценностей, образующих нравственное основание общества, а уже затем, на основе принципов и постулатов философской доктрины, ученые разрабатывают политические и экономические доктрины, а также соответствующие системы идеологий.

В современном мире существуют две противоположные группы принципов, которые приводят в движение экономику и хозяйство разных стран:

- принципы либерализма;
- принципы традиционализма.

Либеральная доктрина основана на трех ключевых принципах:

- принцип абсолютного господства частного индивидуума и его частной буржуазной собственности;
- принцип абсолютной экономической свободы владельцев частной буржуазной собственности;
- принцип абсолютного государственного невмешательства в хозяйственную деятельность частных лиц, владельцев частной собственности.

Принципы традиционализма основаны на философии традиционализма, т.е. на приверженности традиционным морально-этическим нормам и вековым устоям бытия, опирающимся на фундаментальные ценности восточных цивилизаций.

Ключевыми принципами здесь являются:

- общинность и коллективизм;
- общественный долг и служение;
- принципы солидарности и справедливости;
- принципы иерархии, авторитета верховной власти;
- жесткая вертикаль государственной власти, основанная на ее авторитете и связи с народом.

Существует два типа экономических парадигм.

Парадигма – это научный взгляд, концепция, мировоззренческая система. Соответственно этому, выбор принципов хозяйствования – это всегда мировоззренческий выбор, это выбор для страны совершенно определенной идеологической системы, как совокупности взглядов, убеждений и принципов.

Национальное хозяйство страны всегда подчинено системе единых (общенациональных):

- ценностей;
- целей;
- интересов.

Выбор экономической модели, таким образом, неизбежно является выбором между системами ценностей, целей и интересов:

- западной, либеральной;
- традиционной, восточной.

Научные принципы в руках политиков превращаются в идеологические принципы, на основе которых разрабатывается социально-экономической политика государства, являясь механизмом реализации государственной идеологии.

Именно поэтому государственная идеология и политика всегда и везде являются фактором хозяйственного развития.

Ее принципы могут ускорять хозяйственное развитие либо тормозить его, если в основе государственной идеологии лежат ложные доктрины, образуя механизм дерегулирования общественного развития, ведя его к хаосу.

Таким образом, экономическая теория и наука образуют общетеоретическую и общеметодологическую основу государственной идеологии как системы работающих принципов.

Ошибка в теории многократно отзывается на практике, возрастая в геометрической прогрессии и приобретая силу сверхмощного кумулятивного снаряда, разрушающего и выжигающего основные механизмы общественного развития.

Одним из главных условий динамичного экономического и социального развития любого государства, социального мира, легитимности государственной

власти являются исторические традиции, процесс зарождения и формирования национальной государственности.

Формирование российской государственности связано как с внешними, так и внутренними факторами, в связи с чем исторический анализ этого процесса имеет важнейшее значение в период современного экономического реформирования.

Формирование российского государства происходило в течение тысячелетия под влиянием внутренних и внешних факторов.

К внутренним факторам можно отнести:

- географическое положение и климат;
- демографию с акцентом на оседлый образ жизни местного населения;
- социально-экономическую организацию общества;
- внутренние связи и конфликты.

Внешние факторы определяются уровнем политической, военной и социально-экономической зависимости (независимости) русских земель от вторжения других племен, народностей, господства над ними различных по своей форме и сущности государств, а также степенью корреляции межэтнических контактов, приведших к образованию русского народа и созданию русского языка.

История российской государственности тесно связана с историей других народов, населявших как граничащие с нашей страной, так и отдаленные регионы Азии и Европы.

Постоянные миграции степных кочевых племен, перманентное вторжение различных по этническому составу племен и народов вызывало изменение этнического состава славянского населения, издревле обитавшего на этих землях.

В результате миграций, завоеваний, ассимиляций, коренное население вступало в широкие межэтнические и социально-культурные контакты с другими народами, что способствовало созданию выдающегося российского культурно-этнического синтеза.

В научном дискурсе существуют различные представления о том, что такое государственность и какова ее специфика в России.

Государственность, как правило, рассматривают как государственно-организованную форму общества, включающую государственно-правовые институты, национально-государственную идею и практику ее реализации.

Государственно-правовые институты, являющиеся основой управления обществом, выполняют интеграционную, мобилизационную и регулятивную функции.

Специфика российской государственности обусловлена в первую очередь тем, что она выступает матрицей российской цивилизации, доминантной формой ее социальной интеграции.

Российская государственность, являясь доминантной формой интеграции, с одной стороны, политическим «обручем» скрепляет разнородные земли, народы и культуры, а с другой – формирует единый для цивилизационного ареала нормативно-ценностный порядок, или символический универсум.

Этот порядок представляет собой генерируемые государственной властью духовные принципы национального единства, или то, что получило название «национально-государственной идеи» как системы представлений об идеалах и долгосрочных целях развития, а также о принципах взаимодействия государства с обществом, человеком, окружающей средой и окружающим миром.

Специфика российской государственности заключается также в том, что она задает обществу, с одной стороны, мобилизационный характер развития, а с другой – перманентно инициирует в нем модернизационные процессы.

В результате развитие российского общества приобретает гибридный – мобилизационно-модернизационный – характер, с доминированием в этом развитии государственно-бюрократического начала.

В модернизационном процессе в России в конце XX – начале XXI в. можно выделить два этапа:

- 1990-е гг. – модернизация в русле либеральной версии;
- начало XXI в. – переход к этатистской версии модернизации.

На первом этапе модернизационные усилия реформаторов были направлены на изменение вектора развития российского общества в либеральном направлении в русле догоняющего развития.

Характеризуя либеральную модель модернизации, некоторые исследователи рассматривают ее как один из проектов самовестернизации, которая осуществляется на основе культурно-цивилизационного опыта Запада, предполагающего либеральную трансформацию российского общества.

В 2000 году после смены президентской, законодательной и исполнительной власти в России была выбрана этатистская модель модернизации взамен либеральной.

Это было обусловлено не только негативными последствиями реформ в различных сферах жизни российского общества, но и консервативным поворотом в общественном сознании.

Независимая внешняя политика современной России всегда будет встречать попытки давления со стороны претендентов на гегемонию, поэтому экономический суверенитет России должен быть защищен должным образом. Интересы продовольственной безопасности, обеспеченности страны собственными силовыми установками, грузовым транспортом и авиацией требуют, чтобы доля собственной продукции в этих областях была не менее 50–60%.

Так, например, свыше 70% всей территории России связаны между собой только авиацией. Очевидно, что самодостаточность в авиастроении непосредственно связана с национальной безопасностью – с возможностью контролировать и удерживать свою территорию. Но для этого необходимо развивать отечественное станкостроение, включая и производство современных станков с числовыми программными устройствами. А это, в свою очередь, требует развивать собственную электронику, информационные технологии. В принципе нам нужно работать по всем направлениям, кроме самых экзотических и не связанных с обеспечением основных потребностей нации.

Если в настоящее время государство не может себе позволить таким образом распылять силы, то, сосредоточившись на точках роста, важно поддерживать

развитие научных разработок в этих отраслях и научно-техническую разведку, чтобы в дальнейшем можно было наладить производство современного продукта.

Еще в 2007 г. в России была создана Объединенная авиастроительная корпорация в форме открытого акционерного общества. В корпорацию вошли все ведущие авиастроительные предприятия страны, производящие не только гражданскую, но и военную продукцию. Следующим логичным шагом стало решение российского правительства создать в 2007 г. ОАО «Объединенная судостроительная корпорация». Данный концерн также создавался с расчётом не только на внутренний, но и с прицелом на мировой рынок судостроения объемом 100 млрд долл. в год [1].

России необходим прагматичный изоляционизм, призванный обеспечить самодостаточность национальной экономики и безопасность национального хозяйства и общества в целом. Наша страна в уже 2009 году производила самостоятельно только 14 позиций из 84-х важнейших видов (номенклатуры) промышленной продукции.

Метаэкономический подход предлагает делать упор на местную экономику, то есть на развитие тех видов хозяйственной деятельности, которые укрепляют социальную инфраструктуру, создают новые рабочие места, нацеливая производителей на удовлетворение местных потребностей.

Экономист и философ Лев Тихомиров в начале XX века настаивал на необходимости соблюдения принципов самодостаточности в развитии народного хозяйства.

В частности, он утверждал, что не только нации, но и более мелкие общности людей – области, волости, общины – должны сами удовлетворять свои потребности, производя все основное на месте. Л. Тихомиров отмечал две существенные особенности России, которые неблагоприятны для внешней торговли: удаленность от морских путей и суровый климат [2, с. 649–678]. Они делают большую часть российской продукции неконкурентоспособной. Себестоимость

нефти из Сибири, например, в несколько раз выше, чем из Кувейта. Морской транспорт многократно дешевле железнодорожного и т. д.

Развитие местных хозяйственных комплексов есть путь оптимизации природопользования. Речь идет о возрождении забытых местных промыслов и местных культурных особенностей, о региональной самобытности. В Германии, например, не так уж много общегерманских характеристик, но очень много баварского, гессенского, вюртембергского, нижнесаксонского наследий. Даже в исторически централизованной Франции люди эмоционально привязаны к своему бретонскому, эльзасскому, провансальскому, корсиканскому и т. д.

Вот почему новая экономическая парадигма обязана будет делать упор на малую родину, на всемерное укрепление местной общественности и на самое широкое местное самоуправление. Только оно одно способно поддерживать прямую, то есть подлинную демократию.

Сейчас во многих странах Запада и Востока идет интенсивный поиск путей возрождения местной экономики (*local economics*). Этот опыт изучается русскими учеными-международниками. Знакомясь с ним, приходишь к выводу, что в основе этих поисков лежит богатый жизненный опыт крестьянских стран. Мы в этом отношении находимся в лучшем положении по отношению к странам Запада, так как основы крестьянской жизни сохранялись в СССР, сохраняются они и в современной России.

Тем не менее, для нас интересен любой практический опыт консервативной модернизации общества. Часть этого опыта обобщил экономист-международник, профессор Б. Ключников [3, с. 355–357, 369–371].

Японский экономист Я. Таманои и ученые его школы разработали концепцию жизненной экономики, способной развиваться в общинах и кооперативах. Экономика – это живой организм. Жизненная экономика способна удовлетворять самые сложные, самые тонкие душевные потребности человека.

Местная экономика обещает стать одним из плацдармов для наметившегося контрнаступления космоцентристской модели развития против техноцентрист-

ской цивилизации, что будет означать смену парадигмы развития, смену ценностей. Это не очередная утопия, а императив выживания. Реликты органической экономики остаются даже в Европе.

В Швейцарии, например, три тысячи общин по тысяче человек каждая вполне самостоятельны. Более того, они дают пример подлинной демократии – прямого участия граждан в решении всех жизненно важных вопросов. Сохранившееся в России крестьянство является в этом смысле большой социальной ценностью. Крестьянство все еще органично, все еще ведет органическое жизненное хозяйство.

Появились проекты радикальных экономических реформ, которые предусматривают переход на трехсекторную экономическую модель. Наряду с рыночными частным и государственным секторами предлагается создать сектор солидарной экономики.

В англосаксонских странах термин солидарная экономика заменяют термином «третий сектор», что, по сути, обозначает гибрид рыночной и нерыночной, денежной и неденежной экономической деятельности. Оба термина имеют политэкономическое обоснование. В сектор солидарности ныне принято включать разнообразные предприятия, фонды, кооперативы ассоциаций взаимопомощи.

В солидарную экономику предлагается включить и неденежный сектор. К нему относят экономическую деятельность людей, которые решают одинаковые социальные, образовательные, санитарные и другие задачи и могут оказывать друг другу помощь. О масштабах сектора солидарности можно судить по данным исследования, проведенного в 1990-е годы в Германии, Франции, Венгрии, Италии, Англии и Швеции, США и Японии. Этот сектор охватывал 12 млн. полно-занятых, на него приходилось 3,5% ВВП этих стран. Если присмотреться внимательнее к сектору солидарной экономики, то его скорее можно назвать сектором гражданской взаимопомощи.

Постсоветская Россия буквально купалась в нефтедолларах. Казалось бы, сложилась идеальная ситуация для крупномасштабного экономического ма-

невра, улучшения качественной структуры экономики, технического переоснащения экспортно-ориентированных секторов экономики, решения многих неотложных социально-экономических проблем, стоящих перед страной.

Однако Минфин РФ проводил бюджетную политику, направленную на стерилизацию денежной массы, создавая искусственный профицит за счет огромного недофинансирования социальной сферы – под надуманным и ложным предлогом борьбы с возможной инфляцией, рост которой лишь усиливается при помощи такой, мягко говоря, непродуманной «антиинфляционной политики».

И это в тех условиях, когда необходимо было проводить не просто модернизацию экономики, а самую настоящую индустриализацию отраслей и подотраслей нашего национального хозяйства. А для этого необходимо превращение государства в реальный хозяйствующий Центр. Так, например, в послевоенной Европе и Японии, а затем в странах Юго-Восточной Азии собственные и заемные средства не замораживались, а направлялись на развитие экономики, повышение доходов населения, что радикально улучшило социально-экономическую ситуацию в этих странах, способствуя быстрому росту национального хозяйства этих стран.

В России такую же экономическую политику проводил министр финансов России С. Витте. В 1893–1906 годах Сергей Юльевич Витте руководил не только денежно-кредитной и бюджетной сферой России, но, по сути, всей ее экономикой. Всемирную известность получила денежная реформа Витте 1895–1897 годов, в результате которой российский рубль стал одной из наиболее прочных конвертируемых валют мира. Но при этом, не опасаясь инфляции, Витте не накапливал свободные деньги ни в каких стабфондах, а расходовал их на строительство Транссиба, Среднеазиатской и других железных дорог, развитие промышленности, науки и образования.

Академик Д.С. Львов предупреждал нас: «На уроках прошлого надо учиться, иначе неизбежно их повторение. И главное, что нельзя дважды наступать на одни и те же грабли. Бог с ним, если расшибет свой лоб министр финансов. Но ведь от этой недальновидной политики страдает вся страна» [4, с. 17–23].

Экономическое развитие происходит неравномерно, включает периоды роста и спада, количественные и качественные изменения в экономике, положительные и отрицательные тенденции. Очевидно, что динамика национально-экономического развития должна рассматриваться за средне- и долгосрочные периоды времени.

Цивилизационная теория выделяет ряд циклов экономического развития (роста), среди которых наибольшее значение имеют:

- длинноволновые циклы, выражающие долговременные колебания экономической активности с периодом около 50 лет и получившие название «циклы Кондратьева» (по имени русского экономиста Н. Кондратьева);

- нормальные, или так называемые большие, промышленные циклы с периодом от 8 до 12 лет и

- малые циклы, или «циклы Китчина» (по имени открывшего их американского экономиста), охватывающие 3–4 года; это тот срок, который необходим для массового обновления основных фондов.

Все виды циклов тесно взаимосвязаны: малые циклы представляют собой кратковременные перерывы в фазе подъема большого цикла. Большой цикл может включать в себя несколько малых циклов.

Например, великой депрессии 1929–1933 гг. предшествовал великий Подъем, длившийся 11 лет, который дважды прерывался кратковременными рецессиями 1924 и 1927 гг.

Так же как любой большой экономический цикл может включать в себя несколько малых, так и каждый цикл Кондратьева содержит в себе ряд больших циклов. Взаимосвязь между ними состоит в том, что в период повышательной кондратьевской волны большие циклы характеризуются, по мнению Н.Д. Кондратьева, краткостью спадов и интенсивностью подъемов, в период понижательной волны – наоборот.

В целом учеными различных направлений предлагаются следующие разновидности циклов:

– циклы Кондратьева, или длинноволновые циклы, продолжительностью 40–60 лет: их главной движущей силой являются радикальные изменения в технологической базе общественного производства, его структурная перестройка;

– циклы Кузнеца – их продолжительность ограничивается примерно 20 годами, а движущими силами являются сдвиги в воспроизводственной структуре производства (часто эти циклы называют воспроизводственными или строительными);

– циклы Джаглера – периодичностью 7–11 лет как итог взаимодействия многообразных денежно-кредитных факторов;

– циклы Китчина – продолжительностью 3–5 лет, порождаемые динамикой относительной величины запасов товарно-материальных ценностей на предприятиях;

– частные хозяйственные циклы, охватывающие период от 1 до 12 лет и существующие в связи с колебаниями инвестиционной активности.

Большое внимание в современных условиях ученые уделяют теории «длинных волн» Н.Д. Кондратьева (1892–1938) [5, с. 272].

Еще в 1920-е годы, изучая вопросы динамики хозяйственной конъюнктуры в СССР, Кондратьев проводил экономические сопоставления ряда показателей, характеризующих развитие нашей экономики, с динамикой мирового капиталистического хозяйства. Исследования привели его к выработке концепции «длинных волн» капиталистического воспроизводства. Обобщив огромный статистический материал, Кондратьев доказал, что наряду с известными малыми циклами капиталистического воспроизводства (8–10 лет) существуют большие воспроизводственные циклы средней продолжительности 48–55 лет. В этих циклах Кондратьев выделял две фазы, две волны: повышающую и понижающую.

Первая кондратьевская волна связана с промышленной революцией конца XVIII в., в основе которой был переход от ручных ремесленных технологий к машинным. Подъем второй волны обусловлен развитием черной металлургии и железнодорожного транспорта в середине XIX в. Третья волна была вызвана пе-

реходом к новой энергетической базе производства на рубеже XIX и XX вв., когда пар был вытеснен электричеством и начался массовый процесс электрификации производства. Четвертая волна зародилась в середине XX столетия и связана с крупными изобретениями (телевидение, компьютеры, ракеты, атомная и водородная бомба, космические технологии, синтетические волокна и т. д.). Пятая волна зарождается в конце XX в. и связана с переходом к новому постиндустриальному технологическому укладу, основой которого становятся информационные технологии.

Опыт развития современной глобальной экономики показал, что кондратьевские «длинные волны» достоверно прогнозируют развитие общественного воспроизводства. Поэтому его теория взята на вооружение во многих странах мира, и в зарубежной социально-экономической литературе утвердилось весьма уважительное отношение к большим циклам.

Этой теории в 1980–1990-х гг. был посвящен ряд международных конференций, в результате которых был сделан вывод о том, что в мире существует закон цикличности как единой формы развития природных и общественных процессов, причем закономерности социального и экономического характера не могут быть поняты без учета влияния природно-экологических циклов, их синхронизации и взаимодействия.

Идеи Кондратьева с учетом развития науки исследуются многими учеными. Весьма плодотворно в этом направлении работал австрийский экономист Й. Шумпетер. В своей работе «Деловые циклы» (1939) он обосновал концепцию, согласно которой главной движущей силой долговременных колебаний капиталистической экономики является волнообразная динамика технических и технологических нововведений. В современных условиях «длинные волны» не могут оказывать существенного влияния на традиционный промышленный цикл. Если кризис начинается в период понижающей волны большого цикла, то это предопределяет его более глубокий и затяжной характер, так же, как и повышающая волна большого цикла может оказывать позитивное влияние на преодоление кризиса.

Геополитическая мысль не только признала цикличность, но и углубила исследование форм, структур и причин циклов. Современная наука усиленно ищет пути и методы нейтрализации отрицательных последствий влияния цикличности на социально-экономическое развитие общества.

Произошли изменения во взглядах и сторонников марксистского подхода к цикличности. Как те, так и другие, исходят в настоящее время из общих оценок цикличности по многим существенным позициям.

В основу дальнейшего цивилизационного развития нашей страны должен быть положен народнохозяйственный (национальнохозяйственный) подход, рассматривающий национальное хозяйство как основу и как механизм воспроизводства общества и человека. Эта проблема является чрезвычайно злободневной для России. Начнем с того, что для стран постсоветского пространства, расположенных в едином евразийском пространстве, необходима своя евразийская теория национального хозяйства. Западные экономические теории являются неадекватными для восточного общества в целом. Попытки выстраивать модель национального хозяйства России, беря за основу западный методологический принцип индивидуализма, способны произвести только прозападную модель общественного развития [6, с. 4].

В основу дальнейшего цивилизационного развития нашей страны должен быть положен народнохозяйственный (национальнохозяйственный) подход, рассматривающий национальное хозяйство как основу и как механизм воспроизводства общества и человека. Эта проблема является чрезвычайно злободневной для России.

Западные экономические теории являются неадекватными для восточного общества в целом.

Попытки выстраивать модель национального хозяйства России, беря за основу западный методологический принцип индивидуализма, способны произвести только прозападную модель общественного развития.

Необходимо исходить из того, что экономическая теория теряет всякий смысл, если, увлекаясь математическими формулами и рыночными формализованными абстракциями, она исключает из предмета своего анализа конкретное национальное хозяйство и воспроизводство конкретного национально-обусловленного общества и его хозяйства.

Современная экономическая наука в России находится в глубоком кризисе, будучи неспособна сколько-нибудь адекватно отразить реальное национальное хозяйство и предложить обществу адекватную модель его модернизации.

Главная проблема состоит в том, что господствующий англо-американский экономикс отказался от экономики, как науки, изучающей воспроизводство общественного богатства.

Соответственно, исчезли и понятия «стоимость», «цена производства», «стоимость рабочей силы», «капиталовложения», «воспроизводство», а также само понятие социально-экономического анализа.

Экономикс отказался от этики и морали, исключив из своего анализа человека.

В результате произошёл чудовищный регресс не только экономической теории, но и всего обществоведения, оказавшегося под гнётом вульгарной философии позитивизма и постмодернизма, а также маргинализма, который превратился в антинауку, подменив хозяйственно-экономические отношения между людьми субъективными математическими «предельными величинами».

При этом конкретно-историческое хозяйственное и социокультурное пространство (территория) данной страны превращается в некое предельно абстрактное «геометрическое поле», на котором взаимодействуют между собой частные лица, а их поведение определяется формализованными математическими величинами.

И все это преподносится как последнее и «высшее» достижение неоклассики.

Разве это не регресс?

Очень точно на этот счет высказался академик Н.П. Федоренко, указывая на один принципиально важный момент в развитии отечественной науки, «вызывающий глубокое и, если можно так сказать, тяжкое недоумение. Это – беззаботное игнорирование собственного исторического российского опыта и научного наследия. Понятно, почему большевики, подлаживая абстрактные конструкции К. Маркса под свою практику, отвергли идеи выдающихся российских экономистов, в частности П. Струве и М. Туган-Барановского, их коллег и последователей, но чего никак нельзя взять в толк: зачем нужно сегодня мусолить пальцы в заграничных евангелиях от А. Аслунда, Л. Бальцеровича, Дж. Сакса и др.?» [7, с. 18].

Необходимо создать для России свою национальную экономию, отвергая частную экономию Запада, разработанную по заказу группы международных финансистов-спекулянтов, начавшим затем тотальную мировую войну против всей системы национальных государств.

Россия оказалась в эпицентре этой войны в силу своих геополитических и цивилизационных особенностей.

Учитывая особый исторический момент, абсурдно, если не преступно, проводить западническую модернизацию экономики России, продолжая готовить в вузах отечественных специалистов на основе американских учебников по экономической теории, воспитывающих нашу молодежь на индивидуалистических принципах, враждебных как нашей национальной истории, так и нашим цивилизационным и геополитическим особенностям.

Профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осипов справедливо подчеркивал, что речь должна идти «о возрождении философского подхода к решению задач, стоящих перед наукой, о таком видении предмета, которое может дать только широкий, не терпящий узких аналитических рамок, обобщающий и синтезирующий, свободно размышляющий и привлекающий все способы познания...» [8, с. 26].

Необходимо решить проблему «восприятия научной экономией неэкономических знаний», – говорил Ю.М. Осипов.

Особенность системной методологии заключается в попытке выйти за узкие рамки чисто экономического (формационного) подхода, соединяя воедино различные методы анализа:

- формационный;
- цивилизационный;
- историсофский;
- геополитический;
- институциональный.

Только такой комплексный подход позволяет, на наш взгляд, охватить все хозяйство страны, подойдя к его анализу с разных сторон, увязывая при этом воедино все сферы общества, соединяя экономику, политику и культуру в один общий метапредмет политэкономического анализа.

С одной стороны, мы связываем экономическое и социокультурное пространство воедино. А, с другой – соединяем историческое, экономическое и социокультурное пространство с природно-географической средой, с национальной территорией и с геополитическими особенностями всего национального хозяйства. В итоге это дает нам реальную историческую динамику хозяйственного развития, помогая избежать умозрительности, догматизма.

Все это расширяет предмет научных знаний, а также возможности «восприятия научной экономией неэкономических знаний», т. е. «свободной интеграции всех знаний, позволяющей науке выйти из созданного ею же научного тупика».

Англосаксонские экономические концепции можно использовать только при одном условии, если руководства постсоветских стран и всё постсоветское общество в целом принимают теорию «однополярного мира», соглашаясь с его политическими условиями, т.е. фактически принимает капитуляцию.

В этом случае, и это вполне будет понятно, необходимо исходить из концепции унификации всего мира на основе экономической системы страны-победителя, господствующей в «однополярном мире», т.е. США и всего англосаксонского мира, Запада в целом.

Неолиберальные экономические теории (несмотря на внешние разногласия между его различными течениями) образуют теоретический фундамент западной политической теории «однополярного мира».

Россия нашла в себе силы и мужество противостоять военно-политическим доктринам Запада, частью которых является американский экономикс.

Сегодня мы просто обязаны:

- отвергнуть идею унификации мира на основе англосаксонской экономической системы;
- признать многополярность мира, укоренного в разнообразии культур и цивилизаций;
- противопоставить англосаксонскому «мейнстрим» наш отечественный «евразийский мейнстрим», опирающийся на теорию множественности моделей национального хозяйства.

Переход к многополярному миру требует закономерного отказа от американского экономикса и замены теории экономической унификации теорией национального хозяйства.

Еще Ф. Лист указывал на необходимость противопоставить «космополитической» и «частной экономии» «национальную экономию».

Лист был первым, кто обратил внимание экономистов на эту проблему.

После Листа политэкономия раскололась на две противоположные экономические теории:

- либеральную политическую экономию, которую Ф. Лист охарактеризовал как частную экономию и космополитическую экономию, существующую сегодня в виде экономикса;
- национальную экономию, незаслуженно забытую, но возрождающуюся сегодня в виде политической экономии национального хозяйства [9].

Её предметом является метавоспроизводство как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом. Такой подход требует создания адекватной экономической науки, основанной на теории национального (евразийского) хозяйства.

Предлагаемая нами концепция, являясь ответом на англосаксонский экономикс, представляет собой теоретически новое направление экономической теории – политическую экономию национального хозяйства.

Выходя за узкие рамки экономикса, мы преодолеваем чисто экономический подход, оставляющий за рамками анализа духовные факторы и морально-этические нормы.

Наш подход является актуальным и в свете проходящих в мире политических событий и геополитических изменений. Уже давно идет мировая война, и в этой войне экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное концептуальное оружие.

Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать научное обоснование механизму движения экономики и всего общества.

Ну а если наука ошиблась?

Если ученые ошибаются, или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение руководство страны, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы – за, якобы, истинные, за некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы, лежащие в основе развития «цивилизованного мира»?

Что тогда?

Тогда общество получает ложные ориентиры, и данная страна начинает двигаться к катастрофе.

Экономическая наука, которую сегодня столь упорно подталкивают к односторонности либеральной доктрины, обладает только одним рецептом ненасильственного построения справедливого общества – укоренять общество на трудовых началах, на началах умственного и нравственного возрождения.

А оно возможно лишь тогда, когда общественное самосознание и опирающаяся на него воля правительства будут ориентированы, в первую очередь, на то, чтобы труд, мастерство и воплощенные в них производительные силы нации могли найти полноценное применение у себя дома, в национальной духовной и культурной среде.

Экономическая наука сегодня должна вспомнить и воплотить в жизнь слова выдающегося немецкого экономиста и социального мыслителя XIX века Фридриха Листа: «Мир богатства не существует! Только представление о духовном или живом может быть соединено с понятием о мире... Разве возможно говорить, например, о мире минералов? Устраните духовное начало, и все, что называется богатством, превратится лишь в мертвую материю. Что случилось с сокровищами Тира и Карфагена, с богатством венецианских дворцов, когда дух отлетел от этих каменных масс?» [10, с. 23].

Современная экономическая теория должна на первое место поставить «Философию Общего Дела» выдающегося русского мыслителя и философа Н.Ф. Федорова (1828 – 1903), о котором Лев Николаевич Толстой скажет: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком» [11, с. 574].

Н.Ф. Федоров писал: «В настоящее время дело заключается в том, чтобы найти, наконец, потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней. И тогда сама собой уничтожится вся путаница, вся бессмыслица современной жизни». «Жить нужно, – писал Федоров, – не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [12, с. 575].

При этом он исходил из того, что философские знания должны превращаться «в проект лучшего мира».

Федоров ставил в упрек философам именно то, что «знание принимается за конечную цель», дело «заменяется мирозерцанием».

«Чтобы сделаться знанием конкретным и живым, – пишет он, – философия должна стать знанием не только того, что есть, но и того, что должно быть, т.е. она должна из пассивного умозрительного объяснения сущего стать активным проектом долженствующего быть, проектом всеобщего дела» [13, с. 576].

Принципиально важным здесь является не только то, что Федоров стремится установить цель жизни, но и «устроить жизнь сообразно с ней».

Только такой подход – с позиций общего дела и духа солидарности -может предотвратить превращение человека всего лишь в «рабочую силу», покорно

ожидающую обмена на мертвые блага животного существования. Только это сможет остановить деградацию целых отраслей и территорий, вымирание профессий и омертвление национальных производительных сил в колоссальных масштабах.

Образ духовного и живого всегда связывался в сознании нашего народа с образом Совесть. Этот образ проходит красной нитью через всю историю России и всей Великой Евразии.

Какова суть этого образа?

В нем два собирательных начала.

Это прежде всего весть – благая весть. Известие для души об истинах, которые как бы сами собой выстраиваются в неоспоримый понятный принцип праведного поведения человека. Это то, что воспринимается сердцем сразу, безоговорочно и навсегда. Благая весть переполняет человека, и поэтому он невольно ищет соучастия других. Ищет сам, без принуждения и без идеологических кампаний.

Отсюда и появилась приставка «со» – от сокращения слова «соучастие». Соучастие в общем деле, объединяющем всех [14, с. 57].

Таким образом, ключевым моментом в понимании духовных начал российского и всего евразийского общества вообще, его скрепляющим стержнем является коллективизм – общее для всех дело.

Конечно, речь идет не о том «коллективизме», который был канонизирован в СССР и выхолощен государственной доктриной.

Мы не должны забывать, что, как справедливо подчеркивал Н.А. Бердяев, «русский мужик более личность, чем западный буржуа, хотя бы он был крепостным. Он соединяет в себе личное начало с общинным. Личность противоположна эгоистической замкнутости, она возможна лишь в общинности» [15, с. 67–68].

В хозяйственной жизни есть два противоположных принципа. «Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства». «Другой

принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности» [16, с. 150].

Российский, а говоря шире, наш восточный, евразийский коллективизм, если ему будут созданы благоприятные условия для развития, сыграет значительную роль не только в судьбах наших стран, но и в решении фундаментальной задачи, которая стоит сегодня перед всем человечеством: сохранить жизненный мир человека в борьбе с глобальной экспансией технократических систем.

Именно поэтому, советовал нам академик Д.С. Львов, «нашим голосам не следует присоединяться к хору провозглашающих анафему коллективистским началам жизни, в том числе и в экономике. Наоборот, эти начала надо сделать опорой реформ. Поэтому мы должны четко заявить, что целью для нас является экономика, основная движущая сила которой будет принципиально иной по сравнению с рыночным обществом массового потребления».

Стремлению к богатству, охватившее значительные слои нашего общества, необходимо противопоставить стремление к высокому качеству жизни, что невозможно достичь индивидуально, не повышая одновременно качество жизни окружающих.

Речь не идет о создании общества, состоящего из альтруистов. Речь идет о том, что жить нужно «со всеми и для всех». Речь идет о правилах игры, при которых, как в командной гонке велосипедистов, зачет ведется по последнему.

Иными словами, качество жизни общества должно определяться разнообразием жизненных благ, которые могут быть гарантированы каждому его члену, включая и такие блага, как труд не только ради заработка, а также время, свободное от труда ради заработка.

Чтобы исправить исторически сложившуюся традицию, когда индивидуальное и коммунальное нередко преобладает над интересами общего и целого,

нужно сделать так, чтобы общество на деле стало владельцем тех ресурсов, на которых основана жизнедеятельность всех его членов.

«Только общество как выразитель генетически целого способно быть истинным владельцем территории, ее земельных, водных и прочих природных богатств, включая полезные ископаемые, воздушное пространство и ландшафтно-рекреационные ресурсы. Это положение должно быть закреплено конституционно.

Такая конституционная новация обеспечила бы не на словах, а на деле право равного доступа каждого гражданина России, будь он русским, украинцем, белорусом, чеченцем или любой другой национальности, к природно-ресурсному потенциалу страны. Её институциональное оформление создало бы неограниченный простор для проявления индивидуальных способностей каждого» [17, с. 59].

Данный вывод академика Д.С. Львова имеет универсальное значение для всех республик постсоветского пространства, а не только для России.

Признание за обществом права на верховное владение территориально-природными ресурсами и, как следствие, на присвоение чистого дохода от их эффективного использования в корне меняет его отношения с государством. Они переводятся на правовую основу.

И государство становится тем, чем ему надлежит быть, агентом, действующим от имени и по поручению общества. Точно так же члены общества из подданных государства превращаются в полноправных граждан, волю которых государство обязано исполнять.

Соответственно и в системе государственной власти можно будет произвести разумные изменения, превращающие государство из средства властвования над гражданами в систему общественного управления.

Так, не может быть министра здравоохранения, при котором не снижается, а растет смертность населения. Точно так же не может быть министра финансов, который стерилизует денежную массу в ущерб развитию экономики страны и на благо западных экономик и т. д.

Вся деятельность государственных чиновников должна контролироваться законом об обязательствах власти, в котором устанавливаются пороговые значения количественных и качественных индикаторов развития, за достижение которых несет персональную, вплоть до уголовной, ответственность чиновник соответствующего ранга. Невыполнение нормативного регламента по обязательствам того или иного чиновника автоматически должно сопровождаться его отставкой.

Вот тогда мы на деле, а не на словах получили бы подлинно демократическое, гражданское общество. Для этого в России имеются самые весомые социальные и научные основания. Здесь речь идет прежде всего о системе национального имущества [18, с. 62–65].

Основными слагаемыми предлагаемой системы являются:

- закрепление за обществом прав титульного или верховного собственника национального имущества;
- система социального дивиденда;
- механизмы публичного управления общественными доходами;
- налогозамещающий механизм рентных платежей.

Материальной реализацией верховных владельческих прав общества на то, что в России от Бога, должно стать обращение ренты от использования природных ресурсов в общественные доходы, аккумулируемые в системе общественных финансов. Сумма рентных доходов, образуемая после оплаты услуг всех остальных факторов производства, составляла бы чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю.

Она может стать материальной основой их социального дивиденда.

Социальный дивиденд мыслится нами не как дополнительный доход, получаемый каждым и расходующийся по личному усмотрению в частном порядке (как, например, это устроено в американском штате Аляска).

Социальный дивиденд надо рассматривать как главный источник общественных расходов, направленных на развитие человеческого потенциала и осу-

ществляемых общественно-организованным способом (бесплатное здравоохранение и образование, обеспечение социально гарантированных норм или стандартов нормальной жизнедеятельности людей и пр.).

Суть предлагаемой академиком Д.С. Львовым системы национального имущества состоит в том, чтобы:

- сделать население наших стран реальными совладельцами всех действительно общественных богатств, созданных Богом, т.е. имеющих нерукотворный характер;

- ввести институт социального дивиденда;

- соединить механизм социализации рентного дохода от природных ресурсов с решением сложнейших общественно значимых проблем социально-экономического развития страны.

«Нужно сделать так, чтобы этот стратегический ресурс оказался в плотной «сцепке» с главными функциями государства, в первую очередь с его безопасностью, которая напрямую зависит от системы жизнеобеспечения его граждан.

Для этого необходимо, чтобы оценка эффективности работы сырьевого и промышленного секторов экономики, а также правительственных акций по их реформированию осуществлялась главным образом по вкладу этих секторов в развитие здоровья и образования нации, в активную демографическую политику, во всестороннюю поддержку подрастающего поколения, в развитие народного предпринимательства, сохранность потенциала природной среды.

Именно в эти сферы и должна быть направлена львиная доля рентного дохода и дохода от хозяйственной эксплуатации государственного имущества».

Эти слова академика Д.С. Львова, умершего 6 июля 2007 года, звучат как оставленное наследство, как напутствие всем нам, продолжающим жить и творить, чтобы, как мудро заметил великий Ницше, «готовить длинные задачи будущему, чтобы возбуждать инстинкт солидарности через целые столетия» [19, с. 301].

Любая национальноориентированная теория развития содержит в себе духовную программу, в основе которой лежат морально-этические нормы и принципы духовного развития данного общества и данной цивилизации.

Именно поэтому сфера общественных наук всегда была полем острой идеологической борьбы, которая сегодня переросла в информационную войну.

Ее проявлением является мировоззренческий раскол, поразивший не только экономическую теорию, но и вообще всю систему общественных наук в современной России.

Политэкономический анализ всей системы общественного производства опирается на такие важнейшие категории, как «собственность», «капитал», «рабочая сила», «стоимость», «цена производства», «производительные силы», «производственные отношения», «способ производства», «формация».

Нам не обойтись без системы этих базовых понятий.

Ключевым остается вопрос о выборе научного метода.

Вопрос только в том, что считать научным методом, какую методологию использовать.

Вместо того, чтобы найти ответы на эти вопросы, ведущие советские ученые-экономисты и философы в конце 1980-х гг. стали активно призывать научную общественность страны к отказу не только от марксизма, но и вообще от всего нашего научного наследия.

В итоге, как известно, марксизм был заменен маржинализмом и позитивизмом.

Позитивистская методология равнозначна отказу от науки вообще, она рассматривает лишь явления, выдавая за науку плоскую тавтологию, утверждающую, что каждое явление – это и есть сущность.

Возможность превращения экономической теории в составную часть «механизма удушения» экономики России и всего нашего евразийского пространства определяется тем, что официальная экономическая теория сознательно вводит в заблуждение руководство страны, выдавая заведомо ложные тезисы и экономические принципы за некие «универсальные» и «общемировые» ценности, которые, дескать, и лежат в основе развития всего «цивилизованного мира».

Заменив наши концепции по общественным наукам на американские, постсоветские страны получили ложные ориентиры и стали двигаться к катастрофе.

Как известно, в современном мире существуют сотни направлений экономической теории, распадаясь на различные школы и противоречивые концепции, объясняющие нередко одни и те же экономические явления и процессы с противоположных позиций.

Содержание категорий и результаты анализа социально-экономических процессов будут разными и даже противоположными в современной западной экономической теории, в марксистской политэкономии и в альтернативном направлении русской экономической теории, которую развивает русская национальная экономическая школа.

Перед нами встают два принципиальных вопроса.

Какую экономическую теорию мы способны предложить народам России?

Что мы вкладываем в понятие экономическая теория?

Сегодня сосуществуют совершенно разнообразные экономические теории, нередко противоречащие друг другу, развиваясь в русле так называемого «методологического плюрализма», в рамках которого неоклассика открыто призывает игнорировать общественные цели и общенациональные социально-экономические задачи.

При этом мы исходим из того, что экономическая теория, выступая как фундаментальная общеметодологическая и общетеоретическая наука, должна быть способна предложить обществу систему принципов и ценностей, объясняющих развитие национального хозяйства, раскрывающих систему движущих сил данного национального хозяйства.

Другими словами, экономическая теория должна раскрывать механизмы развития данного национального хозяйства, должна создавать теоретический базис для разработки соответствующей модели национального хозяйства, которая могла бы служить основой воспроизводства всего общества, а не отдельных его укладов, что, например, наблюдается в современной России.

Таким образом, проблема выбора, стоящая перед учеными-экономистами и вузовскими преподавателями России, выходит далеко за рамки чисто научного

выбора между различными учебниками и научными школами. Она даже перестает быть чисто этической и нравственной проблемой, являясь проблемой мировоззренческого выбора.

Духовная сфера, как самостоятельная духовного производства, лежащего в основе воспроизводства человека и общества на Западе, исчезает, растворяясь в экономике и ее целях.

Она подвергается процессу агрессивной монетизации, превращаясь в некий придаток финансовой экономики, развиваясь теперь уже на основе жестких рыночных принципов рационализма, экономизма и финансизма.

Структура общества, состоящая традиционно из трех сфер, деформируется.

Система духовных ценностей сама по себе не исчезает, происходит смена духовных ценностей общества, при которой от традиционного понятия «духовные ценности» остаются лишь денежные ценности, а духовность подавляется, сознательно маргинализируется и постепенно изгоняется из общества.

Само общество здесь превращается в экономическое общество, его развитие – в экономическое развитие, а общественный прогресс – в рост денежного, финансового богатства в руках узкой группы собственников.

Дух денежного хозяйства действует на общество как отравляющий нервно-паралитический газ, проникая во все поры общественного организма, он подавляет мораль, парализует совесть и убивает душу.

Экономика – это «частный случай хозяйства, которое есть не что иное, как сама жизнь», взятая по преимуществу со стороны ее созидательной деятельности.

Если хозяйство охватывает все виды производственно-созидательной деятельности, то экономика включает в себя только ту сферу хозяйствования, которая является самокупаемой, т. е. товарной и рыночной.

Сама экономика сегодня стала преимущественно рыночной, слившись по сути с этим определением.

Хозяйство служит для сохранения, обеспечения и продолжения человеческой жизни, для воспроизводства общества и всей нации в целом.

То, что мы называем «хозяйством» – это специфически человеческий способ удовлетворять фундаментальную потребность жить, размножаться и развиваться не только как отдельные индивидуумы, но и как общество в целом.

Изучение истории народного хозяйства нашей Родины является одной из фундаментальных основ для выработки национального достоинства граждан Российской Федерации.

Экономическая история России хранит память о том, что не только путём войн и захватов, но последовательных колонизации и освоения в течение многих веков огромного географического пространства жители нашей страны сумели создать самое большое в мире по территории государство.

В результате развала СССР эта территория существенно сократилась, но всё равно современная Россия является самой крупной страной на планете, обладающей огромными запасами природных ресурсов, которые при условии проведения правильной политики и рационального их использования послужат залогом будущего успешного национального развития.

Сохранить Россию в нынешних границах – одна из задач современного российского руководства.

Исторический опыт показывает, что тенденции к распаду страны и территориальные претензии к России возникали и будут возникать вместе с ослаблением государственной власти.

Это означает необходимость крепить государственные и экономические устои, иметь современные вооружённые силы, способные охранять государственные границы и отражать в случае необходимости агрессивные поползновения со стороны других стран, а также наносить превентивные удары.

Но главным условием повышения веса и авторитета России может стать успешное экономическое развитие страны, усиление её роли на геополитической арене, её культурно-цивилизационное влияние путем освоения территорий, исторически принадлежавших российскому государству.

Природно-климатические условия нашей страны на всём протяжении её истории обусловили цивилизационные особенности России как составной части общемировой цивилизации.

Как показывает изучение экономической истории нашей страны, ее особенности заключаются, во-первых, в особом месте России на евразийском континенте.

Во-вторых, в характере её географических и природно-климатических условий. Россия – северная страна с трудными и нелёгкими условиями для человеческого общежития.

В-третьих, в специфических чертах населяющих её жителей, о которых всегда нужно отдавать себе отчёт.

Это предмет не для самолюбования, а для непрерывной неустанной работы по совершенствованию уровня национальной культуры и образования всего населения.

Всё это определяет не столько «повторение пройденного», сколько поиск своих путей успешного национального возрождения.

Россия не является густонаселённой страной. Более того, после развала СССР плотность населения России значительно уменьшилась. Многие территории, обладающие богатыми природными ресурсами, населены исключительно редко.

Отсюда возникает необходимость проведения разумной демографической и миграционной политики, обеспечивающей рост населения, подъём и благосостояние жителей за счёт более развитых в экономическом и культурном отношении районов.

История нашей страны свидетельствует, что тенденции подобного рода просматриваются в исторической ретроспективе, и на них следует опираться для преодоления возникших в последние десятилетия негативных явлений в этой сфере.

В России на протяжении длительного времени сложилась система регионов-районов, которые несколько, иногда значительно, различаются между собой по природным и человеческим ресурсам.

Свойства, присущие отдельным районам, подсказывают, как лучше решать задачи по их освоению, выбирать варианты развития сообразно климатическим и прочим природным особенностям, представлениям живущих в них людей о путях собственного развития.

Жизнь в ряде районов трудна, и требуются определённые усилия для того, чтобы «подправить природу». Предпосылкой этого является помощь одних районов другим, государственная поддержка, но больше – совершенствование административно-территориального устройства страны.

Выработка разумной национальной политики остаётся одним из приоритетов современного российского руководства. В этом отношении обращение к многовековому опыту мирного сожительства различных религий и наций в рамках единой страны – России играет особо положительную роль.

Как неоднократно подчеркивал Н.Я. Данилевский, очевидность воздействия природно-климатического фактора и геополитики выявляется уже на уровне занимаемой людьми определённой территории-пространства, образующегося в результате завоеваний, миграций, хозяйственной и культурной экспансии.

Размерами территории определяются особенности расселения людей, близость и теснота их общения. От обширности территории и расстояний зависят конфигурация путей сообщения и торговли, тенденции к единению и сепаратизму.

Наличие обширных незаселённых или малозаселённых пространств рождает стремление к их освоению и формирует направления миграций, способствует сохранению экстенсивных хозяйственных форм, основанных на вовлечении в производство новых природных ресурсов. И, наоборот, их отсутствие заставляло искать другие, интенсивные источники роста за счёт повышения производительности труда, применения технических и прочих усовершенствований.

Развитие транспорта увеличивает степень связи между отдельными территориями.

Рельеф и водные системы могут способствовать или препятствовать движению людей и интеграционным процессам.

Характер территории определяет специфические формы административного управления, играет роль в военном деле и принятии военных доктрин, планировании действий на случай войны (мобилизационное планирование), в стратегии боевых операций.

Климат и атмосферные явления могут благоприятствовать или препятствовать развитию сельского хозяйства.

Климат влияет также на характер жилищ, потребление людей. Страны с неблагоприятным климатом требуют приложения значительно больших производственных усилий.

Такие очевидные связи между природой и обществом можно проследить бесконечно.

Но сама по себе геополитика не в силах объяснить, почему, например, в разных географических обстоятельствах возникали сходные экономические и социальные системы, и наоборот, почему в близких природных условиях формировались совершенно разные типы экономической, политической и социальной организации.

Одним из факторов, определяющих положение отдельных стран в мире, является обладание природными ресурсами. Но степень их освоения зависит от уровня развития экономики и культуры.

Долгое время, в частности, Россия считалась страной бедной и скудной по своим природным ресурсам, иностранцы писали о её однообразной и скучной природе, не «поражающей воображение».

Сегодня всё выглядит иначе – богатство природных ресурсов нашей страны служит предметом вожделения других государств.

В то же время не приходится отрицать, что в истории отдельных стран геополитический фактор занимал особое место. К их числу принадлежит Россия.

В настоящее время, когда наглядно проявилась непригодность либерально-западнической схемы национального развития нашей страны, интерес к культурно-цивилизационной методологии особенно возрос.

Низкий прибавочный продукт в земледелии вследствие суровых природных условий страны на долгое время, если не навсегда, обусловил специфические черты экономического развития, государственного и общественного устройства России.

В советское время содержание экономической науки ставилось в зависимость от марксистского формационного подхода.

При этом считалось, что для таких формаций, как рабовладение, феодализм, капитализм и социализм, характерны свои формы взаимодействия природной среды и общества.

Не отрицая достижений марксистского подхода на теоретическом уровне, следует отметить его ограниченность, необходимость выхода за пределы формационных категорий и использования более широкого спектра понятий, используемых современной наукой.

В частности, организационно-технические формы земледелия и скотоводства, являющиеся по марксизму частью способа производства, вовсе не связаны напрямую с той или иной формацией, а культурные формы, образуемые под влиянием природной среды, могут сохраняться вне зависимости от экономических условий.

То есть в экономической науке часто действуют не формационные, а постоянно или длительное время действующие связи, выходящие далеко за рамки формационных категорий.

Поэтому в центре внимания должны находиться долговременные процессы, знаменующие связь природы и общества и определяющие цивилизационные особенности России.

Российская экономическая наука включает в себя значительную долю геополитических знаний прежде всего с точки зрения того, как они складывались и

развивались в нашей стране. Сюда органически входят географические открытия и роль первопроходцев (землепроходцев), освоение новых пространств.

Геополитические знания имеют большое практическое значение и должны учитываться в хозяйственной и социальной политике, а их игнорирование ведёт к крупным просчётам и кризисным явлениям. В нашей недавней истории было принято немало волевых решений без учёта сложившейся практики взаимодействия природы и общества.

Подводя итог, следует сказать, что в современных условиях международных отношений политика изоляционизма, в которой нас снова обвиняет коллективный Запад, не определяет геополитический курс России.

Но мы не забываем и тезис о том, что у России нет союзников, кроме армии и флота, который когда-то провозглашал российский император Александр III. Понятие союзников в современной международной политике вообще является весьма и весьма относительным. Вчерашние союзники могут в одночасье превратиться в ярых врагов.

Геополитические интересы России сегодня заключаются в создании многополярного мира, где Россия будет занимать достойное место, не ориентируясь ни на одну из существующих группировок блоковых стран.

Для России важна геополитическая перспектива, включающая в себя геостратегические и геоэкономические связи не только со странами СНГ, но и со всеми странами, готовыми не только к блоковому, но и к цивилизационному сотрудничеству с нашей страной.

Теорию национального хозяйства России нельзя выдумать, произвольно комбинируя логически разные хозяйственные принципы.

В ее основе лежат конкретно-исторические законы национально-экономического развития, то есть национальные законы развития национального хозяйства.

Поэтому одним из главных методов, который должен быть положен в основу всех теоретических исследований, является исторический метод.

Национальную специфику экономических законов можно вывести только на основе анализа культурной среды, переделывающей лицо или облик национального хозяйства.

Экономические законы реально действуют именно в этой среде, функционируют на реальных природно-географических, исторических и культурных «полях». Это только математические, геометрические или физические законы действуют в условиях абстрактных полей, в рамках воображаемого пространства.

Современная неоклассика в форме маржинализма является абсолютно антинаучной теорией, так как реальные социально-экономические отношения между людьми и их закономерности она подменяет отношениями между субъективными математическими величинами в форме неких «предельных величин». В таком виде она, безусловно, является формой оболванивания молодых людей.

А сфера действия социально-экономических законов – это конкретная среда обитания людей – национальная территория в целом, страна в целом, хозяйство страны в целом.

Люди живут и действуют в рамках национальных государств, объединяясь в поисках общих целей и ценностей, сплачиваясь едиными интересами. Именно общность целей всегда объединяет людей, придавая их хозяйственно-политической деятельности смысл и целенаправленность.

Выбор принципов хозяйствования – это всегда мировоззренческий выбор, это выбор для страны совершенно определенной идеологической системы как совокупности взглядов, убеждений и принципов.

Необходимо помнить некоторые принципиальные соображения Ф. Листа относительно содержания политической экономии национального хозяйства.

Характеризуя либеральную доктрину Адама Смита как космополитическую экономию, исходящую из гипотезы, что нации всего земного шара составляют одно общество, живущее в постоянном мире, а поэтому и предлагающую применять ко всем странам одну и ту же неизменную доктрину, Лист подчеркивал, что

политическая же или национальная экономия должна принимать идею национальности за точку отправления и поучать, каким образом данная нация при настоящем положении всего света и при наличности особых условий, в которых она находится, может сохранять и улучшать свое экономическое положение.

Еще Чернышевский писал о том, что политическая экономия, если она имеет претензию на имя науки, конечно, должна рассматривать предмет с общей точки зрения, иметь в виду выгоды общества, нации, человечества, а не какой-нибудь частной корпорации.

Многие современные либеральные ученые рассуждают совершенно в духе А. Смита, вслед за ним игнорируя очевидный факт, что идея независимости и могущества родится вместе с идеей нации.

Исходя из этого ложного тезиса, они предлагают применять ко всем странам одну и ту же неизменную доктрину.

Став на ложные позиции унификации всего мирового хозяйства на основе англосаксонской экономической системы, её сторонники утверждают, что, якобы, уникальность национальной рыночной модели может выражать только западная общеэкономическая теория, которая объявляется мейнстримом.

Такой взгляд превращает национальную экономическую теорию в придаток неоклассического мейнстрима, низводит её до уровня «отраслевой экономической науки», задачи которой не в том, чтобы разрабатывать «принципы и мотивы» национальной хозяйственной деятельности, а в том, чтобы заниматься второстепенными, хотя и необходимыми вопросами развития отраслевой структуры страны.

При таком подходе национальная экономическая теория исчезает – у нее не остается своего предмета. Она лишается общетеоретического знания, которое монополизирует «экономический мейнстрим».

Главная задача теории национального хозяйства – разработать систему принципов, адекватных национальным традициям и ценностям, формам жизнедеятельности и национальной культуре.

«Чужие» принципы здесь применимы только лишь в двух случаях:

– если страна входит в региональное объединение группы стран, развивающихся на основе единых, унифицированных принципов, привил и стандартов, примером такого объединения является «Европейское сообщество»;

– если страна подверглась оккупации или колонизации, тогда она также начинает развиваться на основе принципов метрополии.

В том случае, если принципы развития для России будут разрабатываться за рубежом, а национальная экономическая теория будет их всего лишь комментировать, то страна тогда лишится своего будущего, своей государственной идеологии, стратегии и своей модели национального хозяйства.

Проблема анализа общественного развития связана с выбором методологии как системы научных принципов, а также соответствующей системы категорий.

Либерализм эту проблему не решает, т.к. не является теорией общественного развития. Как военно-политическая доктрина, нацеленной на достижение мирового господства, либерализм стремится к унификации всего мира на основе западной экономической системы.

Марксизм, делая шаг вперед по сравнению с явным мракобесием либерализма, также основан на идее об унификации всего мира, но уже на основе социалистической экономической системы.

Марксизм является зеркальным отражением либерализма также и в том смысле, что рассматривает общество в целом как социально-экономическую формацию безусловно, а за бортом анализа остаются история, традиции и культура.

Формационный подход к проблемам общественного развития не способен отразить адекватно окружающий нас мир, развивающийся в многообразии. Этот подход дает искаженную картину исторического движения общества.

Традиционный тип общества, к которому относится Россия, не является узкоклассовым. Классовым является буржуазное общество.

Традиционное общество является многослойным, развиваясь вертикально в процессе взаимодействия всех исторических укладов, способов производства,

способов хозяйствования и жизнедеятельности. Такое общество является многоукладным.

Дать его анализ и раскрыть закономерности движения можно только на основе комплексного, системного подхода.

Взаимодействие способа производства и способа жизнедеятельности, формации и цивилизации подчиняется общесоциологическому закону цивилизационно-формационного соответствия.

Реальное движение общества создается диалектическим взаимодействием его трех структурных элементов:

- формации (способа производства);
- цивилизации (способа жизнедеятельности);
- культуры (способа духовного бытия).

При этом именно культура выступает в качестве базиса – в качестве общенационального фундамента, на котором выстраиваются не только формационные структуры (уклады, способы производства), но и цивилизационные структуры (способы жизнедеятельности, формы общенационального бытия).

Цивилизационно-формационное развитие происходит в рамках исторически сложившегося геополитического пространства.

Культура – это духовный базис, а геополитика – это территориально-пространственный фундамент, формирующий этносы и питающий их своей ландшафтной энергией.

Культурно-исторические традиции любого народа дополняются этнической историей, традициями, и соответствующими стереотипами поведения.

В результате формируется реальная динамика цивилизационного процесса, опирающаяся на этническую, формационно-цивилизационную и геополитическую динамику общественного развития.

Сегодня в России наметились два противоположных пути модернизации, то есть восстановления ее народнохозяйственного потенциала, подорванного в период криминальной эпохи 1990-х годов и возрождения ее бывшего имперского величия.

Один – это вариант либеральной модернизации, это путь, активно предлагаемый еще когда-то А. Чубайсом, превращения России в либеральную империю. Либералы считают, что процесс модернизации может и должен быть процессом европеизации России, то есть отказом от идеи того, что у нас якобы свой особый евроазиатский или евразийский путь развития.

Другими словами, утверждается, что мы должны создавать российскую модель по принципам, характерным для европейской политической, общественной, экономической и социально-политической культуры.

Под либеральной моделью мы понимаем такой тип восприятия культурно-цивилизационного опыта Запада, который предполагает трансформацию российского общества либеральном направлении.

Противоположным является вариант имперской модернизации в подлинном антилиберальном смысле этого слова.

Суть имперской модернизации – наличие устойчивого и постоянно воспроизводимого имперского сознания, что делает возможным как успешное строительство империи, так и ее перманентное возрождения.

Имперская модернизация осуществляется, прежде всего, во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как культурные заимствования, так и достижение конкурентоспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы.

Имперская модернизация не связана с деконструкцией империи, напротив, ее успешное проведение способствует решению задач имперского строительства и воспроизводства в новых исторических и социокультурных условиях. Именно специфика выполняемых задач позволяет рассматривать имперскую модернизацию как особый историко-культурный феномен».

Россия – это особый тип восточной империи, основанной на восточных традиционных ценностях. Но в силу своего особого геополитического положения, являясь страной-континентом, Россия обречена быть империей, создавая альтернативный Западу тип развития и форму цивилизационного устройства. И на это сегодня указывают очень многие ученые и политики.

Россия – это модель домостроительства, то есть такого мироустройства, который объединяет под крышей одного «ДОМА» разные народности, исповедующие разные восточные религии. А это – имперский тип устройства, тип «домостроя», который объединяет представителей разных этносов и народностей по духовному признаку, на основе принадлежности к общей судьбе и к системе общих целей и ценностей.

Россия исторически сложилась как страна с антибуржуазным мировоззрением, отвергавшем традиционно буржуазные представления о собственности как о некоей «священной» первооснове общества. И в этом смысле Россия всегда была не буржуазной и не капиталистической страной. Общинность и коллективизм являются ее традиционными ценностями, как, впрочем, и для других восточных стран, например, Японии.

Духовная реформация и моральное возрождение страны возможны лишь на основе ценностей, общего дела и общего блага, разделяемых большинством населения страны, при условии, что плодами реформ воспользуются не только избранные – все общество (чем реформы отличаются от революций).

Во-первых, речь идет об империи восточного типа, хозяйство которого призвано создавать условия для нормальной жизнедеятельности всего общественного организма, всей Империи. Эффективность хозяйства определяется здесь уровнем удовлетворения общественных потребностей, степенью развития инфраструктуры общества (транспортной, энергетической и пр.) и его социальной сферы.

Во-вторых, национальная экономика в рамках имперского хозяйства нации играет прикладную роль, являясь всего лишь «моментом в непрерывном процессе воспроизводства систем жизнеобеспечения общества, в воспроизводстве жизни нынешних и будущих поколений. Тогда приоритетом становится поиск оптимальных форм кооперации и разделения общественного труда для «экономии больших пространств» (К. Шмитт)».

В-третьих, в основе механизма национального хозяйства имперского типа лежит принцип иерархии, создающий имперский центр, который олицетворяет

имперскую волю и осуществляет имперское управление подотчетным ему «имперским социокультурнохозяйственным пространством».

При этом сам механизм национального хозяйства в системе восточной русской империи имеет прикладной характер. Он призван служить имперской идее, т.е. быть механизмом реализации фундаментальных целей и ценностей русской империи.

Кроме этого национальное хозяйство в России всегда служило задачам воспроизводства основ традиционного общества и самой русской империи. Ключевую роль в этом играло духовное производство. И если в основе западных империй всегда лежало материальное производство и денежное хозяйство, то в основе русской империи – духовное производство.

Главным его результатом является духовная ткань, сотканная огромными поколениями русских людей, создавших многовековую, огромную русскую империю и великую *русскую цивилизацию*. Эта ткань уплотняется от поколения к поколению, превращаясь в броню и надежно защищая нашу культуру, наши традиции и наши русские *святыни*.

Именно это первично, именно это обеспечивает нашу историческую устойчивость. Передавая традиции, укрепляя и развивая национальную культуру, мы тем самым сохраняем свою особую национальную духовную ткань как совокупность вековых традиций, устоев и символов национальной *веры*, то есть всего того, что превращает людей вообще – в народ, в нацию со своим национальным характером, а экономику вообще – в национальную экономику, в систему национального хозяйства.

Мы не только можем, но и обязаны использовать положительный опыт политики модернизации, накопленный как в России, так и в других странах, схожих с нами по цивилизационным признакам.

Так, например, сталинский опыт для нас важен тем, что сегодня мы сталкиваемся примерно с теми же проблемами и угрозами.

Для нас важен и опыт Японии, которая выработала свою особую модель, адекватную конкретно-историческим условиям послевоенного времени. А эти

условия почти полностью совпадают с теми особенностями, которые характеризуют развитие современной России. Япония своим историческим опытом доказала, что проблема выживания нации заставляет народ сплачиваться, мобилизуя все его резервы и ресурсы.

Нация гибнет не от хозяйственной разрухи. Она гибнет только тогда, когда разрушается духовный стержень нации, когда размягчаются национальные устои, когда останавливается пассионарный пульс нации. И вот уже тогда неизбежно наступает смерть нации. Япония смогла устоять, а затем и вырваться вперед. Перед лицом внешних угроз Япония смогла сплотиться, создав модель мобилизационного хозяйства. Но это потребовало мобилизации и сплочения всех сил нации, интересов всех хозяйствующих субъектов интересам всего общества.

Опыт Японии, а также других стран Юго-Восточной и Центральной Азии, наглядно показывает, что движущей силой общенационального хозяйственного развития являются духовные силы нации, что решающую роль в национально-экономическом развитии играют не деньги, не пресловутые «иностранные инвестиции» и даже не технологии, а фундаментальные основы национального бытия, духовные силы самого человека, его духа, всегда производного от духа нации.

Безусловно, модернизация экономики сегодня – это единственно возможный путь спасения России. Вопрос лишь в том, каковы должны быть принципы, на которых будет строиться модернизационная политика.

Сторонники капиталистической либеральной модернизации России заинтересованы в воспроизводстве лишь своих капиталов и собственности, а общество в целом и его будущее их не интересует. Успешную модернизацию экономики невозможно осуществить, опираясь на систему волчьих, жизненных принципов, с которыми здоровое общество не постоишь и нацию не сохранишь.

Достичь всеобщего и народного примирения в нашем обществе, а значит и провести в стране реальную модернизацию, игнорируя вековые принципы нравственности и традиций, солидарности поколений и социальной справедливости,

никому не удастся. Лозунги модернизации так и повиснут в воздухе, превратившись в грязные лохмотья.

России нужна яркая и воодушевляющая стратегия, зовущая в Великое Будущее! Нужна имперская модернизация!

Список литературы

1. Государственные корпорации в политике и экономике России. Центр политической конъюнктуры России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ancentr.ru/resources/attaches/6594.ppt (дата обращения: 10.02.2024).

2. Тихомиров Л.А. Национальная экономика / Л.А. Тихомиров // Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. Институт русской цивилизации. – М., 2008.

3. Ключников Б.Ф. ВТО – дорога в рабство / Б.Ф. Ключников. – М.: Эскмо; Алгоритм, 2005. EDN QQTFRX

4. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего / Д.С. Львов. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. EDN QRWGOJ

5. Меньшиков С.М. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. – М.: Междунар. отношения, 1989.

6. Данильченко С.Л. Евразийская теория национального хозяйства: история и современность / С.Л. Данильченко. – Уфа: Аэтерна, 2023. – EDN EMTMSB

7. Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего / Н.П. Федоренко. – М.: Экономика, 2000.

8. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия / Ю.М. Осипов // Экономическая теория на пороге XXI века / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2000.

9. Попов А.К. Национальная экономия против глобальной / А.К. Попов // Экономическая теория в XXI веке: глобальное и национальное в экономике. – С. 204–212.

10. Рязанов В.Т. Российский путь в экономике / В.Т. Рязанов // Философия хозяйства. – 2003. – №2. – С. 103–121. EDN SFPMGD

-
11. Рязанов В.Т. Российская школа национальной экономики и ее историческое значение / В.Т. Рязанов // *Философия хозяйства*. – 2004. – №1. – С. 133–152. EDN NAKDTU
12. Румянцев М.А. К созданию политической экономики империй / М.А. Румянцев // *Экономическая теория в XXI веке: глобальное и национальное в экономике*. – С. 64–73.
13. Лист Ф. Национальная система политической экономики / Ф. Лист. – СПб., 1891.
14. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – Харьков: Фолио; М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
15. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – Т. II. – С. 237. Цит. по: Зеньковский В.В. История русской философии.
16. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – Т. I. – С. 96, 118, 314. Цит. по: Зеньковский В. В. История русской философии.
17. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего / Д.С. Львов. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. EDN QRWGOJ
18. Бердяев Н.А. Самопознание: сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999.
19. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – EDN RVDJFF
20. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего / Д.С. Львов. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. EDN QRWGOJ
21. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего / Д.С. Львов. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. EDN QRWGOJ
22. Ницше Ф. Философская проза; стихотворения: сборник / Ф. Ницше; пер. с нем. – Минск: Попурри, 2000.
-

Данильченко Сергей Леонидович – почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, академик РАЕ, академик РАЕН, академик

РАМТН, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Институт общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия.
